

«История от первого лица»:

новые материалы о северной деревне начала XX века

{266}

Любой, кому попадет в руки сборник документов «История от первого лица», составленный и сопровождаемый вводными статьями и заключением известного архангельского историка и философа В.Н. Матонина, без сомнения почувствует, что знакомство с публикуемыми текстами сулит многие интересные и важные впечатления. На обложке – бревенчатая стена крепкой северной избы, олицетворение подлинности, силы и непреходящих ценностей - основ традиционной русской культуры. У стены – колесо старинной телеги. На память невольно приходит пушкинский образ «телеги жизни», в котором выражена брэнность и конечность земного бытия. Эти символы неизменного и изменчивого, вечного и временного созвучны подзаголовку книги: «Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей». Читателя ожидают, таким образом, размышления северных крестьян о динамичных и порой страшных событиях той поры.

Уникальность этих текстов в том, что они созданы крестьянами Поонежья, Каргополья и Вологодчины, то есть людьми некнижными, не склонными к письменной фиксации своих впечатлений, а обыкновенно выражающими их в фольклоре и прикладном искусстве. Настоящей «жемчужиной среди жемчужин» стала публикация дневника мальчика из с. Верховье Мардинской волости Онежского района Архангельской области Яши Пронина, который он вел по указанию отца. Читателю его лаконичных записей легко представится живой рассказ ребенка о радостях и тяготах своей жизни. Текст дневника передан с учетом особенностей орфографии, что позволяет реконструировать характерные черты яшиной речи. Яша говорит о том, как он ходит в церковь («сегодня ходили вцерковь»), как батюшка в школе проверяет его знание Священной истории («учили читать, писать, арифметику, и был батюшко. У меня спрашивалъ. Я росказалъ

призвание Моисея к освобождению евреев»), как они с друзьями играют «ухоранком» (т.е. в прятки)... Иногда в это немного монотонное – как порой говорят со взрослыми тихие дети - повествование включены поистине страшные подробности: «Сегодня умерла Анка. Я стал оправляться». Речь идет о смерти сестры и выздоровлении самого Яши от повальной эпидемии... Голос ребенка начала XX века – явление поистине удивительное. Однако свидетельства взрослых авторов заслуживают не меньшего внимания.

Значение собранных В.Н. Матониным материалов в ходе многочисленных этнографических экспедиций и исследований в архивах сложно переоценить. Во-первых, это настоящий клад информации для этнографа. Из текстов мы узнаем, как на Русском Севере в больших кадках засаливали пасхальные яйца, чтобы они не портились, как шили лодки, как некоторые крестьяне по причине недостатка сена продавали лошадей, когда заканчивались полевые работы, а по весне покупали вновь... Во-вторых, нет нужды обосновывать тезис о том, что сегодняшнее российское общество нуждается в новых точках опоры, в определении собственной идентичности, выработке ценностных ориентиров и приоритетов. Это невозможно без обращения к опыту первой половины XX века, когда наша страна полностью поменяла свой облик. Важнейшим этапом на этом пути, бесспорно, является обращение к свидетельствам участников и очевидцев произошедшего. И если мнения руководителей этих перемен, равно и как их оппонентов, в основном известны, то огромные пласты информации, идущей из глубин народной жизни, исследователям еще только предстоит освоить.

{267}

Кроме того, предлагаемая подборка имеет колоссальное значение не только для историков и философов, но и для каждого русского человека, стремящегося обрести верные ориентиры в нынешнюю беспокойную эпоху. Отмеченная В.Н. Матониным в предисловии исповедальность публикуемых текстов предопределила во многом эмоциональное, чувственное, личное их

восприятие. Именно так достигается сложное для словесного описания, но глубокое чувство личной причастности к прошлому. В прошлом же сокрыта главная опора для настоящего. Народ, забывающий свою историю, исчезает, а любящий ее – живет.

В суровой простоте северной жизни любить можно многое. Именно этой любовью делятся со своими читателями авторы. Это любовь к чудесам северной природы, силе и трудолюбию предков, веками ведших хозяйство в непростых условиях, к родителям, которых все авторы вспоминают с пронзительной нежностью, к уютному дому, где вся семья собиралась вокруг горячего самовара... Мастер-лодочник из села Чижиково Онежского района Архангельской области Алексей Яковлевич Привалихин вложил в уста одного из героев своего повествования проникнутое восхищением описание родной земли: «Закричал журавль. Где-то рядом в лесу – на болоте – закуковала кукушка. Всполошились чайки. Летали с криками над рекой. К противоположного берега кричали и плескались утки. На опушке леса на разные голоса пели птицы. Из-за леса взошло солнце. Подгоняемый незаметным потоком воздуха, вниз по реке плыл редкий туман. Собирая на своем великом пути десятки речек и ручейков, несла воды могучая река, отдавая их студеному морю. Я смотрел на эти явления природы и думал: *разве осмыслишь всю эту красоту?* [Курсив мой. – Т.М.]»

Это свидетельство заслуживает особого внимания, поскольку по сути повторяет высказанную еще преподобным Максимом Греком - афонским монахом начала XVI в., приехавшим в Россию - идею о непостижимости Божьего замысла. В предисловии к Житию Зосимы и Савватия Соловецких ученый иноземец писал: «Небеси убо высота неиспытана, земли же широта и долготы не осяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема...»¹ Не в схожести ли идей афонского интеллектуала и простого помора XX века, едва ли знакомого с русской

¹ Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 218.

средневековой книжностью, раскрывается трудноуловимая связь прошлого и настоящего, влияние давно минувшего на нынешнюю жизнь?

Другой важной темой, затронутой во многих текстах, является проблема социального неравенства, тяжелой жизни в деревне. Характерен в этом отношении эпизод, переданный уроженцем Каргопольской земли Иваном Матвеевичем Митяковым, в котором речь идет о крестьянах, вся жизнь и промыслы которых были связаны с близлежащим лесом. Лес им, однако, не принадлежал: за пользование угодьями нужно было платить. «Положение крестьян было похоже на ситуацию человека, который стоит по горло в воде и кричит: “Пить хочу!”» В воспоминаниях Афанасия Кузьмича Шишкина даже рассказ о самоваре, вокруг которого так любили собираться на его родине, в Кенозерье, носит социальную окраску: именно самовар обыкновенно отбирали местные власти за неуплату налогов...

Авторы, таким образом, не идеализируют «старую» жизнь. Вопрос соотношения «старого» и «нового» - в сельской жизни первой половины XX века – можно назвать ключевым в большинстве воспоминаний. Но каждый автор на него отвечает по-своему. Так, А.Я. Привалихин с горечью передает недавно сказанные слова о старинной избе одного человека: «Понимаешь, хотел на сына переписать дом. Пришли в сельсовет. Мне говорят – заплати пятьсот рублей – перепишем. Мне дом перешел от отца по наследству. {268} Без копейки. Я на эти пятьсот рублей куплю мотоцикл, а дом распилю на дрова...» И.М. Митяков отмечает, что все им написанное полезно «для понимания успехов, которых добился наш народ под руководством Коммунистической партии Советского союза». Уроженец Вологодской земли Александр Анатольевич Турундаевский, напротив, подчеркивает, что усовершенствования не всегда были связаны с советской властью. Он подробно рассказывает о том, что его отец, сельский священник, стоял у истоков множества хозяйственных нововведений на приходе. Это и высокоэффективный способ пчеловодства, и кредитное товарищество, куда могли обратиться за необходимой на первых порах помощью крестьяне,

стремившиеся к модернизации хозяйства, и организация кружевной артели, существенно повышавшая доходы местных кружевниц... А.А.Турундаевский подчеркивает, что священники не были нахлебниками и иждивенцами у трудового крестьянства.

Отношение к церкви и священникам – центральным фигурам в деревне старой России – еще одна тема, объединяющая большинство представленных текстов. Осмысливая пережитое, авторы пытаются понять, почему из одной и той же среды могли выйти проповедники веры Христовой и люди, спокойно относящиеся к религии. Как порой даже в сознании одного человека уживались установки «Без Бога не до порога», «Бог-то Бог, а будь и сам не плох» и даже «Религия – опиум для народа». А.А. Турундаевский большое внимание уделил полемике о задачах приходского духовенства в предреволюционной России, развернувшейся в его семье. Он с печалью констатирует, что приходское духовенство не всегда осознавало важность грамотной проповеди, считая своим долгом лишь службы и исполнение треб. Между тем, опираясь на материалы первых этнографических экспедиций рубежа XIX-XX вв., современный исследователь отмечает, что «многие из крестьян [в начале XX в. – Т.М.] затрудняются ответить на вопрос: сколько богов? В ответ называют Иисуса Христа, Божью Матерь, Николая Чудотворца, Вознесение, Преображение...»²

Представленные в сборнике тексты, не всегда стройные и порой избыточные повторами и стилистическими неровностями, погружают читателя в удивительный мир ушедшей русской деревни и заставляют о многом задуматься. Не претендуя на всесторонний анализ публикуемых материалов, В.Н. Матонин в заключении делится историософскими размышлениями над сквозными сюжетами представленных источников. У любого, кто прочтет эти воспоминания, не будет оснований сомневаться в обоснованности вывода составителя о «духовных основаниях революционных перемен» в деревне. Не менее значимы слова В.Н. Матонина

² Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 53.

о том, что «прошлое и будущее – это два крыла. Опираясь на них, человек может жить в настоящем, испытывая счастье полета и радость от умножения добра и смысла. В ином случае нас ожидает скольжение вниз, заканчивающееся неизбежным падением». Эти философские суждения о том, что́ есть прошлое и будущее, какая роль в непостижимом божественном замысле о мире и человеке отведена рефлексии о впечатлениях прошлого, в главном созвучны поэтическому размышлению классика:

*Сердце будущим живет,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило.*

«Историю от первого лица» можно смело назвать не только значимым итогом кропотливой и вдумчивой работы ее составителя, но и настоящим его успехом. Нисколько не сомневаюсь, что эта книга доставит большое удовольствие и принесет пользу всем, кто ее прочтет.

Т.А. Матасова